

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с дезорганизацией нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»

Студент

В.С. Никитин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Р.В. Закомолдин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений.	9
1.1 Нормальная деятельность исправительных учреждений как объект уголовно-правовой охраны	9
1.2 Эволюция законодательства об ответственности за нарушение деятельности исправительных учреждений	14
Глава 2 Сравнительно-правовой анализ и отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений.	26
2.1 Отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений	26
2.2 Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений	35
Глава 3 Актуальные проблемы квалификации и расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.....	43
3.1 Проблемы квалификации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	43
3.2 Проблемы расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	49
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников.....	60

Введение

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности. Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них. Это прослеживается в постоянных изменениях и непостоянности уголовного законодательства РФ в данной сфере.

Преступления, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, по умолчанию имеет высокий класс общественной опасности. Это не только, преступления, направленные на личность сотрудника исправительного учреждения или его близких. Они направлены против осужденных, и к тому же посягают на правопорядок.

В последнее время в уголовном законодательстве в сфере ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений не было значительных изменений. Законодательство «застоялось», и образовались проблемы, выражающиеся в постоянных коллизиях с другими составами преступлений, а также с квалификацией данных преступлений.

Актуальность тематики выпускной работы обусловлена тем, что в доктрине уголовного права ведутся дискуссии о толковании признаков и противоположные точки зрения на понимание состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ.

В частности имеет место большое количество проблем, связанных с несовершенством ст. 321 УК РФ, которая не может всецело охватить всевозможные сценарии совершения этого преступления. Хотя ученые высказывают предложения по модернизации законодательства и постоянно акцентируют внимание на недостатках положений ст. 321 УК РФ.

Проблемы недостатков положений ст. 321 УК РФ поднимается еще со времен первого закрепления подобного состава преступления. Однако по истечению времени специалисты практически единогласно высказались о том, что данная норма неэффективна.

Ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) закреплена в ст. 321 УК РФ и предусматривает применение физического или психического насилия в отношении осужденного или сотрудника исправительного учреждения (далее – ИУ).

Наибольшую общественную опасность среди пенитенциарных преступлений представляют преступления, оцениваемые по ст. 321 УК РФ, что подтверждается анализом статистических показателей преступности. Ухудшение криминогенной ситуации в исправительных учреждениях часто связано с совершением иных тяжких преступлений (массовые беспорядки, захват заложников и т.д.) либо с совершением их в совокупности.

Для действующего уголовного закона, судебной практики эта норма не новая и имеет стабильную практику применения, так, в 2015 г. вынесено 220 приговоров, в 2016 – 223, в 2017 – 228, 2018 – 212, 2019 – 204.

По фактам неправомерных действий осужденных, содержащихся в ИУ, в отношении сотрудников администрации при осуществлении служебной деятельности, увеличилось количество возбужденных уголовных дел по ст.ст. 318, 319, 321 УК РФ: 2015 г. – 196; 2016 г. – 247; 2017 г. – 268; 2018 г. – 225; 2019 г. – 247.

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо разобраться в его сути, проанализировать саму сущность деяния, с какой целью оно совершалось и какими мотивами руководствовалось лицо, совершившее его.

Разделение мнений замечается уже на стадии квалификации самого преступления в целом, а не отдельных эпизодов. Часть ученых, придерживается классического взгляда, и относит ст. 321 УК РФ к

преступлениям против порядка управления, другие считают, что есть необходимость квалифицировать данное деяние, как преступление против правосудия. Если рассматривать зарубежный опыт, в некоторых странах и вовсе, это деяние рассматривается как преступление против государства.

Необходимо отметить важный пробел в уголовном законодательстве, разграничивающий в правах такие категории потерпевших, как сотрудники исправительных учреждений и наемные работники. Законодатель не рассматривает, что наемные работники, как и сотрудники администрации, способствуют исправлению осужденных. Однако УК РФ не предусматривает ответственность за неповиновение наемным работникам исправительного учреждения. Это деяние квалифицируется как дисциплинарный проступок.

Если рассматривать зарубежный опыт, в некоторых странах и вовсе, это деяние рассматривается как преступление против государства. В целом российскому законодателю можно заимствовать отдельные моменты у зарубежных коллег для решения отдельных вопросов и проблем, связанных с уголовной ответственностью в данной сфере.

Степень научной разработанности темы исследования. При работе над исследованием изучались труды таких авторов, как А.И. Друзин, Д.Б. Вальяно, А.В. Абаджян, В.С. Ишигеев, К.Ш. Садреев и др.

Цель данного исследования – основываясь на анализе современного российского и зарубежного законодательства, юридической литературе и работах ученых правоведов, указать на актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с дезорганизацией нормальной деятельности ИУ.

Необходимо решить ряд задач:

- сформировать определение нормальной деятельности ИУ;
- проанализировать определение дезорганизации нормальной деятельности ИУ;
- основываясь на анализе зарубежных источников, а также исследуя эволюционные процессы реформирования законодательства о дезорганизации нормальной деятельности ИУ, сформировать

позицию по нынешнему состоянию уголовного законодательства в данной сфере.

- привести примеры смежных составов преступлений и проблем в классификации преступлений, совершаемых на территории ИУ.
- предложить нововведения, которые смогут усовершенствовать действующее уголовное законодательство в сфере дезорганизации нормальной деятельности ИУ.

Объектом исследования являются общественные отношения в связи ответственностью за дезорганизацию нормальной деятельности ИУ.

Предметом диссертационного исследования выступает анализ и формирование перечня актуальных проблем в квалификации преступлений, связанных с дезорганизацией нормальной деятельности исправительных учреждений.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (диалектика, синтез, аналогия). Также были использованы исторический и сравнительный методы. Необходимость изучения и сравнения отечественного законодательства с зарубежным подчеркивает важность ряда обстоятельств, в том числе и критическую важность для самого сравнительно-правового метода в юридической науке. Следует понимать, что любое сравнительно-правовое исследование помогает взглянуть на ряд проблем юридической науки. Изучение и тщательный анализ зарубежного опыта помогает разработать и предложить конкретные методы по совершенствованию российского законодательства. В рамках данного исследования использование сравнительно-правового метода позволяет нам не только провести параллель схожести и различий уголовных законов нескольких государств, но и сформулировать общие положения и выстроить конструкции, которые помогают выявить необходимые закономерности развития уголовного права.

Эмпирическая база исследования. Исследование основано на подробном анализе работ этой проблематики.

Научная новизна исследования заключается в следующем: отсутствие конечной точки развития уголовно-правовой нормы, охватывающей все аспекты преступлений, совершаемых с целью дезорганизации нормальной деятельности исправительных учреждений.

Невозможность полноценно корректно квалифицировать такие преступления не позволяет открыто говорить об абсолютной правильности уголовного законодательства РФ.

Теоретическая значимость работы определяется необходимостью разграничения преступления, предусмотряемого ст. 321 УК РФ с другими схожими составами.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования, а также теории и выдвинутые предложения представляют практический интерес для органов государственного управления.

Законодательные органы найдут данное исследование полезным для составления дальнейшего плана усовершенствования уголовного законодательства РФ.

На защиту выносятся основные положения диссертационного исследования:

- Преступления, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, по умолчанию имеет высокий класс общественной опасности. Это не только, преступления, направленные на личность сотрудника исправительного учреждения или его близких. Они направлены против осужденных, и к тому же посягают на правопорядок.
- Неопределенность законодателя по отношению к уголовно-правовой норме, предусматривающей совершение преступления, направленное на дезорганизацию нормальной деятельности ИУ. Это прослеживается в постоянных изменениях и непостоянности уголовного законодательства РФ в данной сфере.

- Предложение о включении в ч. 2 ст. 321 УК в число потерпевших не только сотрудников ИУ и их близких, но и наемных работников, которые также осуществляют деятельность по исправлению осужденных.
- Необходимо более четкое разграничение состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, с другими смежными составами, для исключений возникновения коллизии между этими нормами. Предусмотреть в каждой части ст. 321 УК РФ отдельные составы данного преступления.
- Ввести в УК специальные нормы об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника УИС (ст. 317.1) и за применение насилия или угрозу применения насилия в отношении сотрудника УИС (ст. 318.1).

Глава 1 Общая характеристика уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений.

1.1 Нормальная деятельность исправительных учреждений как объект уголовно-правовой охраны

Г.П. Новоселов пишет: «в рамках механизма уголовно-правового регулирования и решаемых законодателем задач следует ответить, что именно им ставится под уголовно-правовую охрану» [12, с. 11].

Л.Д. Гаухман писал: «выражение в уголовном законе отношений в качестве охраняемых им представляет собой, с одной стороны, процесс отражения объективно существующих общественных отношений в сознании законодателя как нуждающихся в защите уголовным законом, и с другой – результат этого отражения, заключающийся во введении понятий о данных отношениях в уголовный закон, то есть в установлении охраны указанных отношений уголовным законом» [15, с. 62].

Е.А. Фролов полагал, что «некоторые общественные отношения являются объектом уголовно-правовой охраны, поскольку они находятся под защитой от причинения им ущерба. А действия признаются преступными, если они способны причинить вред объекту охраны» [105, с. 26].

Объектом выступают также отношения в сфере обеспечения порядка государственного управления в различных сферах, поэтому в УК выделена глава «Преступления против порядка управления».

Запрет в ст. 321 УК РФ обеспечивает охрану нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, которая связана с обеспечением процесса исправления осужденных. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется с целью восстановления социальной справедливости,

а согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ – в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Цель исправления достигается наряду с исполнением наказания. УИК РФ в ч. 2 ст. 9 содержит перечень средств, посредством которых исправляется осужденный: режим отбывания наказания; воспитательная работа; общественно полезный труд; получение общего образования; профессиональная подготовка и общественное воздействие.

О нормальности деятельности ИУ говорит реализация данных целей.

Как пишет А.В. Щербаков, «эти средства можно отнести к признакам нормальной деятельности изолирующих учреждений» [109, с. 13; 110, с. 35]. С.В. Назаров уточняет: «препятствование основным функциям исправительных учреждений является основным показателем дезорганизации их нормальной деятельности» [54, с. 36]. М.Ф. Костюк говорит: «при совершении преступления на территории исправительного учреждения в любом случае нарушаются общественные отношения, которые обеспечивают нормальную деятельность исправительных учреждений, чья деятельность направлена на достижение предусмотренных законом целей наказания. Если лицо совершает преступление на территории учреждения, оно априори посягает на его нормальную деятельность» [41, с. 60]. Любое учреждение УИС должно быть проанализировано как с позиции исполнения, так и отбывания наказания.

Как отмечает Ю.А. Тайгозин: «режим как порядок исполнения лишения свободы – это основанная на законе деятельность сотрудников соответствующих органов и учреждений, направленная на обеспечение охраны и изоляции осужденных» [85, с. 319]. К этому необходимо добавить, что в таком случае сотрудники администрации ИУ обязаны осуществлять не только надзор за осужденными, но и способствовать осуществлению прав и законных интересов последних. Помимо этого, крайне важно позаботиться об обеспечении личной безопасности каждого осужденного, особеннотех, кто сотрудничает с администрацией ИУ.

Д.Б. Вальяно добавляет к перечню обязанностей «ответственность администрации учреждения, ведь при совершении преступления, квалифицируемого в соответствии со ст. 321 УК РФ, страдает в основном нормальная деятельность всего учреждения» [11, с. 19].

В соответствии со ст. 82 УИК РФ, «режим в исправительных учреждениях – это установленный «порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания» [55]. Помимо этого, режим включает применение дополнительных мер исправления осужденных.

Главной целью деятельности любого ИУ является поддержание установленного порядка отбывания осужденными наказания. Эта схема не будет работать, если деятельность ИУ не будет упорядочена.

Исполнением уголовных наказаний занимается исключительно государство в лице УИС, включающей специальные государственные органы и учреждения [28, с. 6].

В целом в ст. 321 УК РФ идет речь об «учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества». Далее, в ч. 1 указывается «учреждение или орган уголовно-исполнительной системы», а в ч. 2 – «место лишения свободы или место содержания под стражей». То есть в УК использован целый ряд терминов [55]. Сама сущность ИУ никак не изменяется вне зависимости от используемых терминов. Но если же возникнет вопрос об использовании определенного термина, то следует указывать «исправительные учреждения», с целью всецелого охвата всех видов ИУ.

Как писал О.Р. Рузевич: «в ст. 321 УК РФ используется чрезвычайно большое количество терминов, что обуславливает трудности в установлении

видов учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а следовательно, и в применении ст. 321 УК РФ» [78, с. 77].

А.И. Друзин отметил: «название статьи при толковании сущности уголовно-правового запрета имеет лишь ориентирующий характер» [20].

Так, в ч. 1 ст. 321 УК говорится обо всех учреждениях и органах УИС. Далее выявляются противоречия, поскольку ч. 2 ограничивается уже только «местами лишения свободы и местами содержания под стражей».

Это обстоятельство не должно являться препятствием, и в целом норму надо толковать расширительно, включая в нее все органы и учреждения УИС.

Сама сущность исправительных учреждений никак не изменяется вне зависимости от используемых терминов. Но если же возникнет вопрос об использовании определенного термина, то следует указывать «исправительные учреждения», с целью всецелого охвата всех видов ИУ [21, с. 37].

Согласно ст. 58 УК РФ, ч. 9 ст. 16 УИК РФ и ст. 74 УИК РФ к учреждениям, исполняющим наказания, связанные с изоляцией от общества, отнесены: «лечебно-профилактические учреждения, исправительные колонии общего, строгого и особого режима, колонии-поселения, воспитательные колонии, тюрьмы и следственные изоляторы» [55; 60].

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [60] местами содержания под стражей являются:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов ФСБ.

«Непосредственно нормальная деятельность перечисленных учреждений охраняется нормой, которая закреплена в ст. 321 УК РФ. В

данном случае является некорректным сравнение с уголовно-исполнительными инспекциями и предприятиями, специально созданными для обеспечения деятельности УИС» [16, с. 37].

Деятельность последних не направлена на исправление осужденных и исполнение основных задач по отбыванию осужденными наказания, они решают отдельные задачи уголовно-исполнительной системы.

Даже морские и речные суда, в установленных законом случаях, могут быть использованы в качестве СИЗО, однако они также не подходят под нужную нам категорию, поскольку не занимаются государственным управлением.

Исходя из этого, мы точно можем указать, что капитаны морских и речных судов не будут являться сотрудниками администрации ИУ, а значит все преступления, совершаемые на территории временного СИЗО, не относятся к ст. 321 УК РФ. Поэтому крайне неверно говорить о том, что лица, помещенные во временные СИЗО, изначально являющиеся зимовками и морскими или речными судами, могут своими преступными действиями дезорганизовать нормальную деятельность такого учреждения.

С.А. Яковлева пишет: «режим отбывания наказания – это, в первую очередь, твердо установленный распорядок жизни, учебы, труда и отдыха осужденных. В основе любого учреждения, ответственного за отбывание наказания осужденных, лежит система соблюдения специальных правил и порядка, закрепленных законом» [111].

А.В. Щербаков пишет: «под нормальным функционированием учреждений и органов уголовно-исполнительной системы следует понимать установленный законом порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий права и законные интересы, личную безопасность осужденных и персонала, а также исполнение возложенных на них обязанностей» [110, с. 91].

По мнению Т.А. Мошкова, «взаимоотношения осужденных друг с другом и с представителями администрации мест лишения свободы

представляют собой урегулированную нормами закона систему положительных социальных связей указанных лиц, основанную на взаимных правах и обязанностях» [54, с. 35].

Если осужденный совершает преступление на территории ИУ, то нарушение социальных связей между осужденными происходит «изнутри», что говорит о нерешенности целей и задач по исправлению.

Сущность дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, выражается в нарушении социальных связей и отношений между осужденными и администрацией ИУ.

Суть данных отношений может свидетельствовать, что осужденный встал на путь исправления. В частности, если осужденный смог выстроить с администрацией ИУ бесконфликтные отношения, то он в меньшей степени задумывается о совершении преступления, предусмотренного ст. 321 УК.

В ч. 1 деяние направлено, прежде всего, на порядок отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы, ч. 2 – на порядок исполнения наказания в виде лишения свободы сотрудниками ИУ, ч. 3 – на порядок исполнения и отбывания наказания в ИУ.

1.2 Эволюция законодательства об ответственности за нарушение деятельности исправительных учреждений

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности. Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них.

Проблемы недостатков положений ст. 321 УК РФ поднимается еще со времен первого закрепления подобного состава преступления

Начиная с 1917 г. менялась как система управления государством, так и законодательство как его правовая основа.

23 июля 1918 г. Постановлением НКЮ РСФСР была утверждена «Временная инструкция о лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» [59].

В отношении заключенных, допустивших правонарушения, предусматривалось продление срока наказания.

М.М. Исаев указывал, что «в советской системе карательных мер лишение свободы не играло большой роли. В борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, включая лагерный бандитизм, на первый план выдвигалась высшая мера наказания – расстрел, в целях общего и специального предупреждения» [28, с. 30].

К местам заключения относились также исправительно-трудовые лагеря (далее – ИТЛ) [46, с. 62], функционирование которых регламентировалось Декретом ВЦИК РСФСР от 19 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ» [58]. 15 ноября 1920 г. Постановлением НКЮ РСФСР было утверждено Положение об общих местах заключения РСФСР [70], которым также предусматривалась возможность продления срока заключения лицам, упорно нарушающим трудовой распорядок. Такие решения были уполномочены принимать специальные распределительные комиссии.

В итоге реформ была сформирована новая система мест исполнения наказаний.

На начальном этапе не предусматривалась уголовная ответственность за посягательство на осужденных и сотрудников ИУ. В отношении заключенных, нарушивших порядок деятельности ИУ, применялись акты ведомственного характера [69, с. 9].

Далее наступило некоторое затишье в создании и реформировании уголовных норм. Долгое время не создавались новые нормативные акты, которые могли бы регламентировать и закреплять уголовную ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности ИУ.

28 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР в Постановлении «О карательной политике и состоянии мест заключения» распорядился наделить органы УИС правом инициировать вопрос о необходимости продления срока наказания в отношении лиц, не поддающихся исправлению. Для этих целей НКЮ и НКВД РСФСР должны были разработать дополнения в ИТК РСФСР [82, с. 9].

Таким образом, с 1930-х годов стало возможно осужденных, допустивших посягательство на нормальную деятельность ИУ, отправлять для дальнейшего отбывания наказания на острова Северного Ледовитого океана и в отдаленные северные лагеря (Ухтопечлаг, Норильлаг, Севвостоклаг, Сиблаг и др.).

В 1935 г. НКВД СССР была утверждена Инструкция о порядке направления заключенных в срочные тюрьмы из исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), которой предусматривалась изоляция заключенных, дезорганизующих деятельность лагеря [82, с. 24].

Однако в 1936 году НКВД СССР указал на неэффективность имевшейся УИС и необходимость ее реорганизации. В связи с этим был отдан приказ подготовить дела лиц, которые ведут в местах лишения свободы антисоветскую и прочую преступную деятельность, и рассмотреть их на особых совещаниях.

В данную категорию попали, прежде всего, лица, которые в ИУ промышляли бандитизмом, грабежами, издевались над другими осужденными. В итоге было осуждено и казнено порядка 30000 осужденных, в том числе лидеры организованных преступных групп, отбывавшие наказание в ИУ [81, с. 9]. Данная мера была не гуманна, но крайне эффективна. Отмечается, что после массового расстрела заключенных, существенно сократилось число преступлений, связанных с дезорганизацией нормальной деятельности ИУ. Преступники, промышлявшие ранее данными видами преступлений, почувствовали настоящую опасность и на протяжении нескольких лет никак не проявлялись [69, с. 46].

Ситуация ухудшилась с началом войны. Из-за острого дефицита боевой силы осужденным, отбывавшим наказание за мелкие и бытовые преступления, было предложено искупить вину на передовой. Многие выбирали свободу и покидали места заключения, отправляясь на фронт. Это поспособствовало тому, что в пределах исправительных учреждений наказание оставались отбывать по большей части лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Но, с другой стороны, данный контингент проявил криминальную активность – участились акты саботажа, появились новые группировки, участились факты ведения дезорганизационной деятельности, местами в ИТЛ даже возникали вооруженные восстания [45, с. 72].

Существенные изменения в УК РСФСР 1926 г. в рассматриваемой части были внесены 6 июня 1927 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР.

Статья 58.11 устанавливала ответственность за любую организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений, и за участие в организации, образованной для таких целей, а ст. 58¹² – за недонесение о контрреволюционных преступлениях.

Согласно ст. 58 преступным признавалось изготовление или хранение с целью распространения литературы контрреволюционного характера.

Статьей 59.2 была установлена ответственность за участие в беспорядках, сопряженных, среди прочего, с понуждением властей к исполнению явно незаконных требований.

В УК РСФСР 1960 г. и до него отдельной нормы об ответственности за дезорганизационную деятельность в ИУ не было [2, с. 208]. Применение насилия к сотрудникам ИУ или к осужденным квалифицировались по различным статьям: убийство (ст. 102), хулиганство (ст. 206), насилие в отношении должностного лица в связи с его служебной деятельностью (ст. 193) и др. [12, с. 28]

Соответственно, во многих случаях заключенные избегали уголовной ответственности за угрозу применения насилия или непосредственно за само применение, если это были легкие повреждения.

Например, М. Журавлев и В. Владимиров приводят случай: «Группа осужденных подвергла жестокому избиению заключенного Г., который порвал с воровской средой, был назначен бригадиром и не позволял рецидивистам притеснять других заключенных. Повреждения, нанесенные потерпевшему, были отнесены к разряду легких. Однако виновные были привлечены только к дисциплинарной ответственности» [25, с. 50].

Такая ситуация приводила к тому, что судебная практика в сфере обеспечения нормальной деятельности ИУ складывалась в основном из дел о преступлениях против личности. Совершение таких действий осужденными расценивалось также как бандитизм.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. № 8 «Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения» [80, с. 44] судам рекомендовалось не принимать к производству дела о нарушениях лагерного режима.

Данный пробел в уголовном законодательстве потребовал введения в УК РСФСР специальной статьи об уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений. 25 июля 1962 г. Указом Президиума ВС РСФСР в УК была введена ст. 77.1 «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений». В данном случае, такое преступление рассматривалось как преступление против государства [47, с. 349].

По мнению одних авторов, родовым объектом дезорганизующих работу ИУ действий были интересы государства в области исправительно-трудовой политики [33, с. 315]. Другие подходили шире – общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства [32, с. 123].

В дальнейшем А.И. Гуров раскритиковал это и прямо указал на «неправильность определения объекта рассматриваемого посягательства, что значительно затруднило применение закона на практике» [17, с. 259]. Он подчеркнул, что «...вряд ли факт терроризирования нескольких осужденных может повлиять на безопасность государства. С юридической точки зрения объектом данного преступления являются общественные отношения, возникающие в сфере управления определенными узкообусловленными процессами – организации работы по исправлению осужденных» [17, с. 261].

По мнению одних, непосредственным объектом этого преступления выступали жизнь, здоровье, честь и достоинство представителей администрации ИТУ, а также осужденных, вставших на путь исправления [21, с. 212].

Другие придерживались иного мнения. Так, М.А. Ефимов указывал, что «действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, имеют повышенную общественную опасность, так как грубо нарушают нормальную деятельность этих учреждений» [24, с. 394]. Н.И. Загородников говорил о «причинении вреда интересам перевоспитания осужденных» [26, с. 194]. В.А. Владимиров отмечал, что эти деяния «...серьезно препятствуют нормальной работе мест лишения свободы, грубо нарушают процесс исправления и перевоспитания осужденных» [12, с. 197]. М.И. Ковалев подчеркивал, что объектом «...всегда и неизбежно выступает нормальная деятельность исправительно-трудовых колоний... ибо это преступление во всех случаях, прежде всего, направлено на дезорганизацию их деятельности» [33, с. 258]. Е.В. Ворошилин, Б.В. Здравомыслов и А.В. Кладков также называли «непосредственным объектом данного преступления правильную деятельность исправительно-трудовых учреждений» [14, с. 244].

В итоге 30 января 1984 г. Президиумом ВС РСФСР был принят Указ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-

процессуальный кодексы РСФСР» [57], которым статья 77.1 УК РСФСР была разбита на две части.

В ч. 1 устанавливалась ответственность за дезорганизацию работы ИТУ, которая выражалась в четырех формах:

- терроризирование осужденных, вставших на путь исправления;
- совершение нападений на администрацию ИТУ;
- организация преступных группировок с целью терроризирования осужденных или для нападения на администрацию ИТУ;
- активное участие в указанных группировках.

В ч. 2 предусматривалась ответственность за действия, указанные в ч. 1, при наличии квалифицирующих признаков, к которым были отнесены характеристики правового статуса осужденного:

- особо опасный рецидивист;
- лицо, осужденное за совершение тяжкого преступления.

Однако по истечению времени специалисты практически единогласно высказались о том, что данная норма неэффективна [22, с. 124].

Отдельные ее положения проблематичны в плане квалификации. Отчасти решение было найдено с принятием 3 декабря 1962 г. Пленумом ВС СССР Постановления № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» [62]. В его продолжение 21 июня 1985 г. было принято новое одноименное Постановление [64].

Было сформулировано определение понятия «терроризирование осужденных, вставших на путь исправления», под которым Пленум понимал «применение насилия или угрозы применения насилия с целью заставить их отказаться от добросовестного отношения к труду и соблюдения правил режима, а равно совершенные на почве мести за выполнение общественных обязанностей по укреплению дисциплины и порядка в исправительно-трудовом учреждении» [64]. При этом Пленум рекомендовал судам отличать от этой категории другие, сходные по объективной стороне преступные

проявления – нанесение побоев, причинение телесных повреждений и т.п., которые совершались на почве ссор, личных взаимоотношений подсудимого с потерпевшим и при иных подобных обстоятельствах [64].

Отмечалось, что «имеют место факты неправильной квалификации по ст. 77.1 УК РСФСР преступлений, которые, хотя и вносят элементы дезорганизации в работу ИТУ, как и всякое другое преступление, но были совершены в результате конфликтов, возникших между заключенными на почве личных взаимоотношений или по мотивам бытового характера, либо явились следствием случайного стечения обстоятельств, связанных нередко с явно незаконными действиями самого потерпевшего» [64].

Как писал В.Д. Меньшагин: «виды насилия могли быть более многообразными, чем при терроризировании заключенных. Помимо причинения физической боли, нанесения ударов и побоев, телесных повреждений и смерти насилие при нападении может иметь характер и ограничения или лишения свободы» [52, с. 170].

Эксперты указывали, что это насилие должно носить открытый характер [2, с. 171], и Пленум разделял этот подход, разъясняя, что «нападение может быть использовано как средство воспрепятствования представителям администрации ИТУ в выполнении служебных обязанностей или средством мести за их выполнение» [64].

В качестве потерпевших рассматривались представители администрации. В эту же категорию отнесли военнослужащих внутрвойск, которые несли службу в качестве конвоирующих [67, с. 44].

Если сейчас сравнивать ст. 77.1 УК РСФСР и ст. 321 УК РФ, то они различаются потерпевшими от посягательства.

Актуален вопрос о квалификации действий заключенного, выраженных в нанесении работнику ИУ телесных повреждений, которые повлекли за собой смерть потерпевшего. Пленум в этой связи указывал, что такие действия охватываются ст. 77.1 УК РСФСР, и никакой дополнительной квалификации не требуется [64].

М.П. Карпушин писал, что «квалификация без дополнительной ссылки на ст. 108 УК РСФСР вполне возможна» [32, с. 106].

В.К. Пинчук понимал под нападением на администрацию ИТУ «не каждое насильственное действие, а лишь наиболее опасное из действий (убийство или покушение на убийство, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, а также легкие телесные повреждения с расстройством здоровья)» [69, с. 106]. Такие действия полностью охватывались ст. 77.1 УК РСФСР и не нуждались в дополнительной оценке.

П.С. Матышевский считал, что «если действия, содержащие признаки преступления, предусмотренного ст. 77.1 УК РСФСР, были связаны, например, с причинением тяжких телесных повреждений, с убийством или уничтожением имущества, то они должны рассматриваться по совокупности соответствующих преступлений» [50, с. 154]. По мнению Д.О. Хан-Магомедова, «если нападение на администрацию или терроризирование осужденных сопровождалось хищением имущества, то совершенные деяния надо квалифицировать по совокупности преступлений: по статье о дезорганизации работы ИТУ и по соответствующей статье о хищении имущества» [106, с. 164].

Позднее, в 1983 г., в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 188.3 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» [14, с. 264].

Данное деяние посягало непосредственно на нормальную деятельность ИТУ, но не любого ИУ, а лишь такого, в котором был возможен дисциплинарный перевод осужденного в ПКТ или тюрьму.

Деяние, охватываемое данной статьей могло совершаться в двух формах: неповиновение либо иное противодействие администрации ИУ в осуществлении ее функций.

Однако УК РФ не предусматривает ответственность за неповиновение наемным работникам исправительного учреждения. Это деяние квалифицируется как дисциплинарный проступок [51, с. 40].

А.М. Меликян пишет, что «перемещение уголовно наказуемых деяний в разряд дисциплинарных проступков свидетельствует не о гуманизации уголовно-исполнительной политики, а о непоследовательности в применении мер уголовно-правовой и дисциплинарной ответственности. Возможно также желание администрации исправительного учреждения приукрасить состояние правопорядка в местах лишения свободы» [51, с. 42].

Уже с конца 1980-х гг. началась работа над новым УК. Несколько рабочими группами были представлены несколько проектов. Одни не предусматривали специальной нормы об ответственности за дезорганизацию деятельности ИУ. Авторы предлагали ограничиться статьей «Насилие или угроза применения насилия в отношении публичного должностного лица» [104]. Другие хотели включить специальную норму «Воспрепятствование нормальной деятельности исправительных учреждений».

В итоге в 1996 г. был принят и в 1997 г. вступил в силу УК РФ, который предусматривал ст. 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Однако по истечению времени специалисты практически единогласно высказались о том, что данная норма неэффективна.

- По мнению А.В. Щербакова, «в советский период исторически сложились три типа воздействия государства на процесс предупреждения и пресечения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: репрессивный - внесудебный (1934 - 1960 гг.), характеризующийся карательным воздействием на такие проявления, в том числе массовыми расстрелами бандитствующего элемента в особых лагерях. Этот этап основывался исключительно на нормативных актах МВД, НКВД СССР, начальников ИТЛ;
- уголовно-правовой (1960-1996 гг.), связанный с развитием уголовного и уголовно-исполнительного законов, заключающийся

- во введении норм, предусматривающих более мягкую ответственность за действия, дезорганизирующие работу ИТУ;
- уголовно-дисциплинарный (с 1997 г. по настоящее время), обусловленный уголовно-правовой политикой государства, направленной на гуманизацию наказаний, повышение эффективности воздействия на осужденных посредством режимных мероприятий, закрепление возможности осуществления оперативно-разыскной профилактики в целях предупреждения нарушений режима содержания (ст. 84 УИК РФ), соединенный с возможностью уголовной ответственности за «более опасные проявления дезорганизации деятельности в местах лишения свободы» [110, с. 30-32].

Однако по истечению времени специалисты практически единогласно высказались о том, что данная норма неэффективна.

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности.

Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них.

Это прослеживается в постоянных изменениях и непостоянности уголовного законодательства РФ в данной сфере.

Преступления, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, по умолчанию имеет высокий класс общественной опасности.

Это не только, преступления, направленные на личность сотрудника исправительного учреждения или его близких.

Они направлены против осужденных, и к тому же посягают на правопорядок.

Главной целью деятельности любого ИУ является поддержание установленного порядка отбывания осужденными наказания.

Эта схема не будет работать, если деятельность ИУ не будет упорядочена.

Исполнением уголовных наказаний занимается исключительно государство в лице УИС, включающей специальные государственные органы и учреждения.

Однако УК РФ не предусматривает ответственность за неповиновение наемным работникам исправительного учреждения. Это деяние квалифицируется как дисциплинарный проступок.

В последнее время в уголовном законодательстве в сфере ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений не было значительных изменений. Законодательство «застоялось», и образовались проблемы, выражающиеся в постоянных коллизиях с другими составами преступлений, а также с квалификацией данных преступлений.

Если рассматривать зарубежный опыт, в некоторых странах и вовсе это деяние рассматривается как преступление против государства. В целом российскому законодателю можно заимствовать отдельные моменты у зарубежных коллег для решения отдельных вопросов и проблем, связанных с уголовной ответственностью в данной сфере.

Глава 2 Сравнительно-правовой анализ и отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений.

2.1 Отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений

Насильственные преступления превышают иные преступления по количеству, характеру и степени общественной опасности, тяжести последствий. Они являются многообъектными и причиняют вред как материальным, так и нематериальным благам, включая личность.

Ухудшение криминогенной ситуации в исправительных учреждениях часто связано с совершением иных тяжких преступлений (массовые беспорядки, захват заложников и т.д.) либо с совершением их в совокупности.

Насильственные преступления, совершаемые в ИУ, представляют собой, прежде всего, «вмешательство в упорядоченную государством деятельность по исправлению осужденных» [54, с. 13].

При этом насилие, будучи признаком состава дезорганизации деятельности ИУ, характерно и для других составов преступлений. Из-за этого «в деятельности правоохранительных органов в ряде случаев имеют место ошибки, связанные с неправильной квалификацией содеянного» [23, с. 73]. Поэтому в практике вопросы разграничения дезорганизации деятельности ИУ с иными смежными составами преступлений, прежде всего, направленными против жизни и здоровья личности, имеют большое значение.

Преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, в большинстве своем совершается для посягательства именно на порядок управления, а не на

жизнь и здоровье потерпевшего. А посягательство на личность здесь вторично [13, с. 13].

С субъективной стороны состав характеризуют специальная цель – препятствовать исправлению либо мстить. Применение насилия или угрозы его применения в отношении потерпевшего без такой цели следует квалифицировать как преступление против личности [16, с. 70].

«Насилие, обусловленное личными взаимоотношениями виновного с потерпевшим, исключает ответственность по ст. 321 УК РФ. В этих случаях действия виновных надо квалифицировать исходя из мотива или цели по другим статьям УК РФ» [35, с. 790].

Если посягательство на сотрудника администрации совершено в связи с его незаконной деятельностью, то это также не может расцениваться как дезорганизация деятельности ИУ [36, с. 570].

Вне рамок состава ст. 321 УК лежит и причиние смерти потерпевшему, поскольку «служит основанием для дополнительной квалификации содеянного» [37, с. 657].

Как поясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «убийство работника администрации исправительного учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества или осужденного, находящегося на территории данного учреждения, с целью помешать его исправлению либо с целью мести за исполнение им общественной обязанности подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ» [61].

А.В. Щербаков указывает, что «убийство осужденного из мести за содействие администрации не охватывается составом ст. 321 УК и должно квалифицироваться по совокупности п. «б» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 321 УК РФ, так как это своеобразное исполнение потерпевшим общественного долга» [110, с. 62].

Зададимся вопросом, по какой именно части ст. 105 УК это квалифицировать.

В условиях исправительного учреждения потерпевшим при убийстве могут оказаться две категории лиц:

- сотрудники ИУ, исполняющие свои служебные функции (тогда содеянное следует оценивать по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК);
- осужденные, отбывающие наказание в ИУ.

Есть мнение, что убийство сотрудника ИУ должно квалифицироваться по совокупности ст. 317 и ч. 3 ст. 321 УК [7, с. 218].

Дискуссия о конкуренции норм, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 317 УК РФ, не дает ответа, какую из них применять в случае причинения смерти сотруднику ИУ.

О.И. Коростылев уверен, что «посягательство на сотрудника можно квалифицировать по ст. 317 УК РФ, только если потерпевший исполняет обязанности по охране общественного порядка» [40, с. 81]. Справедливо мнение С.Л. Скутина: «если сотрудник не будет осуществлять охрану общественного порядка или обеспечивать общественную безопасность, то посягательство на него следует квалифицировать по статьям о преступлениях против личности» [84, с. 15].

Если потерпевшим стало лицо, не входящее в перечень лиц по ст. 317 УК РФ, но при этом оно осуществляло деятельность по охране порядка в ИУ, то оценивать содеянное надо по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК [7, с. 219].

Есть мнение, что работники ИУ не относятся к сотрудникам правоохранительных органов в контексте ст. 317 УК, поскольку в их обязанности не входит охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. А значит, ответственность должна наступать по совокупности п. «б» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 321 УК [111, с. 106].

Исходя из этого, можно заключить, что если лицо привлекалось для осуществлени действий по охране порядка или обеспечения безопасности в ИУ, то посягательство на его жизнь надо оценивать по ст. 317 УК.

Законодатель, в свою очередь, не выделил отдельной статьи об ответственности за посягательство на жизнь работника УИС в связи с осуществлением им служебной деятельности или на его близких.

Вторая категория лиц, могущих стать потерпевшими от убийства на территории ИУ – осужденные, подозреваемые или обвиняемые, оказывающие содействие администрации.

Если один осужденный убивает другого из личной неприязни, и это никак не связано с проявлением у последнего склонности к исправлению или содействию администрации, то содеянное надо оценивать по совокупности ст. 105 и ч. 3 ст. 321 УК.

Например, «осужденный О. умышленно, из личной неприязни, с целью лишения жизни Ч. накинул петлю из веревки на шею последнего и затянул ее. В результате этого наступила смерть Ч. Суд квалифицировал действия О. по ч. 1 ст. 105 УК РФ» [76].

Действия сотрудника администрации и осужденного, направленные на пресечение нарушения на территории ИУ, надо расценивать как выполнение общественного долга.

Широкое понимание данного термина требует конкретизации.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» рекомендует «под выполнением общественного долга понимать осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, избличающих лицо в совершении преступления, и др.)» [61].

А.Н. Попов толкует его как «выполнение специально возложенных обязанностей на общественных началах, так и совершение иных

общественно полезных действий по собственной инициативе потерпевшего» [73, с. 92].

По мнению М.Н. Каплина, «понятие долга предполагает существование обязанности потерпевшего действовать определенным образом, которая по своей природе может быть как правовой, так и моральной)» [31, с. 111].

Н. Иванов считает, что «лишь те обязанности, которые вытекают из закона или членства в какой-либо организации, могут рассматриваться в ракурсе общественного долга. Долг представляет собой нравственную ментальность, но не общественный долг в современном социально-государственном понимании. Общественный долг может рассматриваться как с точки зрения права, так и этики» [27, с. 7].

О.Р. Рузевич указывает, что «поддержание общественного порядка выражается в следующих действиях:

1) выполнение специально возложенных обязанностей на общественных началах;

2) совершение каких-либо действий по собственной инициативе, при условии их правомерности и общественной пользы;

3) совершение общественно полезных действий вследствие выполнения правовой обязанности» [78, с. 11].

Значит, деятельность лица, отбывающего наказание в ИУ, по оказанию содействия администрации, должна рассматриваться как исполнение общественного долга, как минимум с точки зрения права. А когда лицо, отбывающее наказание, помогает пресекать или раскрывать преступления, выявляемые в ИУ, то это также расценивается как исполнение общественного долга, но с позиции этики [27, с. 8].

А.К. Перевозчиков напротив считает, что «выполнение осужденным режимных требований, отказ от традиций преступного мира и т.д. трудно признать выполнением общественного долга, это входит в обязанности осужденного, отбывающего наказание» [68, с. 12]. Он предлагает включить в ст. 321 УК ч. 4: «Убийство осужденного с целью воспрепятствовать его

исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы» [68, с. 15].

Аналогичное мнение высказала Н.А. Горшкова: «Убийство осужденного (подозреваемого, обвиняемого) с целью воспрепятствовать процессу его исправления либо по мотивам мести за оказываемое содействие администрации ИУ необходимо квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК в совокупности с ч. 3 ст. 321 УК. Во всех остальных случаях оно должно охватываться ч. 1 ст. 105 УК либо соответствующим пунктом ч. 2 ст. 105 УК при наличии обстоятельств, характеризующих объективные и субъективные признаки убийства, без вменения ч. 3 ст. 321 УК» [16, с. 102].

При оценке насилия, применяемого к осужденному или к сотруднику ИУ, также возникает проблема разграничения преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 321 и ст. 116 УК.

Как пишет Э.А. Багун «по признакам объективной стороны побои (ст. 116 УК РФ) являются насилием, не опасным для жизни или здоровья, т.е. самой простой формой физического насилия» [8, с. 9].

Так, «18 августа 2015 г. осужденный Б. на почве личных неприязненных отношений учинил ссору с осужденным С., в ходе которой Б. умышленно нанес С. удар кулаком в область грудной клетки и два удара кулаком по лицу, от чего последний испытал сильную физическую боль. Согласно заключению эксперта, повреждения С. в виде ссадины на грудной клетке и раны на лице были квалифицированы как не причинившее вреда здоровью. 20 октября 2015 г. приговором суда Б. был осужден по ч. 1 ст. 116 УК РФ» [75]. В другом случае, «осужденный С. испытывал к осужденному Т. личные неприязненные отношения в связи с оказанием последним содействия администрации исправительного учреждения, в связи с чем С. нанес Т. не менее двух ударов кулаком левой руки в область лица, причинив последнему ссадину слизистой правой щеки, которая согласно заключению судебно-медицинской экспертизы не повлекла за собой какого-либо вреда здоровью. 4 октября 2016 г. С. был осужден по ч. 1 ст. 321 УК РФ» [72].

Эти примеры говорят, что действия лица оцениваются как побои, только в том случае, если последствия деяния не несут в себе опасности для деятельности ИУ, в противном случае ст. 321 поглощает ст. 116 УК.

Квалифицируя содеянное по ч. 1 ст. 321 УК, следует рассматривать как определенную месть за оказание помощи работникам администрации ИУ со стороны осужденных. При этом, квалификация действия по ч. 2 той же статьи, предусматривает хулиганские побуждения и расовую, религиозную и другую ненависть и вражду в отношении социальной группы.

Надо также различать оценку преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 321 и ст.ст. 111, 112, 115 УК .

Например, «осужденный Х. на почве возникшей личной неприязни, имея умысел на причинение тяжкого вреда здоровью Ч., деревянной шваброй нанес Ч. удар по голове, после этого ножом нанес удар в брюшную полость слева. Данное повреждение по признаку опасности для жизни в момент причинения квалифицируется как тяжкий вред здоровью. Х. осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ» [4].

По другому делу, «осужденный П. в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений к К. нанес последнему не менее двух ударов кулаком в лицо, причинив вред здоовью средней тяжести. П. осужден по ч. 1 ст. 112 УК РФ» [5].

И наконец: «Осужденный З. был отстранен от работы в котельной за распитие спиртных напитков и игру в карты. На его место был назначен осужденный В., который недавно прибыл в колонию и являлся специалистом по эксплуатации котельного оборудования. Оценив хорошие условия работы и длительность срок назначенного наказания, он относился к своим обязанностям добросовестно. Осужденный З. после выхода из ШИЗО затаил обиду на В., занявшего его место работы, и решил ему отомстить. Работая во второй смене на производстве, З. зашел в котельную и под предлогом присвоения осужденным В. оставленных в котельной личных вещей, принадлежавших З., вместе с другими осужденными избил его, причинив

легкий вред здоровью. Действия осужденных изначально были квалифицированы по ч. 1 ст. 321 УК РФ. Но в дальнейшем преступление было переквалифицировано на ст. 115 УК РФ» [6].

Таким образом, умышленное причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, совершенное осужденным в отношении другого осужденного или в отношении сотрудника ИУ, квалифицируется по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья, исключительно в связи с совершением указанных деяний в ссоре либо из личной неприязни.

В качестве отдельного состава преступления предусмотрена угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), которую также «следует отграничивать от угрозы при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ)» [21, с. 23].

Как отмечает А.И. Друзин, «общий состав уголовно наказуемой угрозы (ст. 119 УК РФ) предусматривает только два ее вида – угрозу убийством и причинением тяжкого вреда здоровью» [21, с. 24].

В ст. 321 УК характер насилия не раскрыт, поэтому есть мнение, что причинение вреда здоровью любой тяжести включает также угрозу убийством [78, с. 12].

Так, С.А. Яковлева считает, что «квалификации по ст. 321 УК РФ подлежат случаи применения угрозы убийством в отношении сотрудников УИС, несмотря на то, что в диспозиции нормы содержится лишь указание на угрозу применения насилия» [111, с. 112].

Имеет место также смешение состава ст. 321 со ст. 318 УК, поскольку в ст. 318 идет речь о применении насилия либо угрозе его применения к представителям правоохранительных, контролирующих и иных органов государственной власти [29, с. 82].

Очевидно, что как указывают эксперты, «нормы ст. 321 УК РФ выступают в качестве специальных по отношению к нормам, содержащимся в ст. 318 УК РФ» [11, с. 12; 40, с. 150; 73, с. 36].

Общая норма содержит общий вид деяния определенного рода без конкретизации (ст. 318 УК), а специальная – его разновидность, часть (ст. 321 УК) [29, с. 83].

При наличии смежных общей и специальной норм надо применять специальную [38, с. 572]. Так, А.И. Чучаев и Л.Г. Овсепян пишут: «в случае конкуренции ст. 318 и 321 УК РФ, ответственность должна наступать по ст. 321 УК РФ как более полно описывающей соответствующее преступление» [65, с. 506].

Это отражено в ч. 3 ст. 17 УК: «Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме».

Однако, как пишет О.Р. Рузевич, «закрепление в главе 32 «Преступления против порядка управления» двух норм, одна из которых является специальной по отношению к другой, но не ужесточает ответственность за ее нарушение, лишено практического смысла» [78, с. 15].

По мнению Ю. Власова, «правовой статус потерпевшего играет значительную роль и служит одним из оснований отграничения ст. 321 УК РФ от ст. 318 УК РФ. Правовой статус обусловлен характером служебной деятельности потерпевшего» [13, с. 15].

Важно понимать, влияет ли правовой статус потерпевшего на оценку применения насилия по ст. 318 УК РФ и по ч. 2 ст. 321 УК РФ.

Специальным потерпевшим по ст. 318 УК является представитель власти. Что касается сотрудников ИУ, то они, будучи должностными лицами, независимы от лиц, в отношении которых наделены распорядительными функциями [110, с. 151].

С.А. Яковлева пишет, что «сотрудники учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, являются представителями власти в связи с

исполнением ими должностных обязанностей в государственных органах власти, осуществляющих исполнительно-распорядительную деятельность» [111, с. 114].

По мнению Ю. Власова, «благодаря качественной специфике подобной деятельности, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, выступает более широкая группа лиц, нежели та, что обозначена в ст. 318 УК РФ» [13, с. 15].

Д.Б. Вальяно указал, что «ст. 321 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 318 УК РФ, так как насильственные действия, предусмотренные указанной нормой, преследуют специфическую цель, направленную на дезорганизацию деятельности ИУ. Если деяние направлено только лишь на воспрепятствование сотруднику администрации ИУ в исполнении возложенного на него служебного долга, то ответственность за его совершение наступает по ст. 318 УК РФ» [11, с. 206]. Автор неправ, поскольку такой цели ст. 321 УК РФ не содержит.

2.2 Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений

Необходимость изучения и сравнения отечественного законодательства с зарубежным, подчеркивает важность ряда обстоятельств, в том числе и критическую важность для самого сравнительно-правового метода в юридической науке.

Следует понимать, что любое сравнительно-правовое исследование помогает взглянуть на ряд проблем юридической науки. Изучение и тщательный анализ зарубежного опыта помогает разработать и предложить конкретные методы по совершенствованию российского законодательства.

В рамках данного исследования использование сравнительно-правового метода позволяет нам не только провести параллель схожести и

различий уголовных законов нескольких государств, но и сформулировать общие положения и выстроить конструкции, которые помогают выявить необходимые закономерности развития уголовного права [65, с. 65; 66, с. 3].

Как пишет Л.Г. Овсепян, «есть возможность выделить определенные функции уголовно-правовой компаративистики:

- интеграционная;
- информационно-аналитическая;
- воспитательная;
- образовательная;
- методологическая» [65, с. 68].

Все эти функции отражают основные направления деятельности сравнительно-правового исследования [79, с. 108].

Поскольку среди ученых сохраняются дискуссии по поводу текста норм статьи 321 УК РФ и их сущности, необходима сравнительная характеристика действующего в этой части законодательства РФ и некоторых зарубежных стран.

Прежде всего, стоит проанализировать законодательство стран ближнего зарубежья. В первую очередь, стран из состава СНГ, для которых основой послужил Модельный уголовный кодекс от 17 февраля 1996 г., принятый Межпарламентской Ассамблеей СНГ (далее МУК СНГ) [53].

МУК СНГ содержит ст. 313 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения».

По структуре она идентична ст. 321 УК РФ, но содержание отдельных частей различно.

Так, в ч. 1 ст. 313 МУК СНГ в качестве потерпевших возможны только работники учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы или ареста, и работник учреждения предварительного заключения, а в ч. 2 – сотрудники администрации ИУ, осужденные и арестованные.

В ч. 3 ст. 313 МУК СНГ закреплено насилие опасное для жизни и здоровья лиц, указанных в ч.ч. 1 и 2. Также прописывается совершение действий преступного характера организованной группой.

При этом для всего состава этого преступления в ст. 313 МУК СНГ предусмотрено наличие у лица, совершившего преступление, специальной цели – дезорганизовать нормальную деятельность ИУ.

В ряде государств рассматриваемое деяние относится к преступлениям против правосудия. Например, УК Республики Беларусь [95], УК Украины [98], УК Молдовы [100]. Формулировки в данных случаях практически идентичны. Исходя из текста статей понятно, что они заимствованы из ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г.

В ст. 410 УК Беларуси закреплен запрет:

- терроризирования осужденных с целью воспрепятствования процессу их исправления либо из мести за соблюдение установленного распорядка и требований режима ИУ;
- нападения на представителя администрации СИЗО или другого места изоляции от общества.

В ст. 392 УК Украины:

- используется термин «группа»;
- не обозначены цель и мотив содеянного;
- в качестве субъекта также указаны лица, отбывающие ограничение свободы.

УК Республики Казахстан [102] главе 15 «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний» содержит два таких состава – ст.ст. 360 и 361.

В ст. 360 запрещен отказ повиноваться требованиям администрации ИУ, а в ч. 2 – злостное и неоднократное неповиновение. В отличие от УК РФ, в котором не фигурирует ни злостность, ни неоднократность данного деяния.

В ч. 3 предусмотрена ответственность за групповое совершение этого преступления.

В ст. 361 речь идет о применении насилия, где потерпевшими являются сотрудники администрации ИУ, обеспечивающего изоляцию от общества; их супруги и близкие родственники. При этом мотив преступления должен быть связан с осуществлением данным сотрудником своих служебных обязанностей.

Потерпевшими также могут быть другие осужденные. Тогда мотивом является препятствование сотрудничеству с администрацией учреждения и поддержанию официального порядка в ИУ.

В УК Молдовы преступление, совершаемое с целью дезорганизовать нормальную деятельность ИУ.

В ст. 321 УК Молдовы содержится состав отказа от повиновения сотруднику администрации ИУ с применением насилия. Субъект – осужденный, потерпевший – сотрудник администрации ИУ. Цель и мотив содеянного не конкретизируются.

В УК Республики Туркменистан в ст. 213 имеет состав «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» [92], совершаемое в отношении работника администрации ИУ. При этом различные потерпевшие распределены по разным частям статьи. Обязательным субъективным признаком состава являются специальные мотив и цель.

В УК Республики Таджикистан [93] законодатель в главе 31 предусмотрел сразу две статьи о преступлениях в сфере нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст.ст. 331 и 332).

В ст. 331 речь идет о применении насилия к работникам администрации ИУ, в ст. 332 – терроризировании осужденных, нападении на представителей администрации, а также организации в этих целях группировок или в активном участии в их деятельности. Примечательно, что ст. 332 практически дословно воспроизводит ст. 77.1 УК РСФСР.

В УК Узбекистана [90] имеется ст. 220, которая предусматривает ответственность за деяния, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности ИУ. Однако данное преступление относится к преступлениям против порядка управления. Речь идет о неповиновении законным требованиям сотрудников администрации ИУ.

В УК Армении имеется схожая ст. 319 «Воспрепятствование деятельности учреждения, исполняющего наказание, или места содержания арестованных, или места содержания задержанных» [101]. Расширен круг объектов преступления, а потерпевшими могут быть работники как ИУ, так и мест содержания арестованных и задержанных.

По УК Азербайджана [97] уголовная ответственность наступает за нарушение нормальной деятельности ИУ и СИЗО. В отличие от УК РФ иной порядок частей в статье: прежде идет угроза применения насилия, далее – применение насилия не опасного для жизни и здоровья, и потом – применение насилия опасного для жизни и здоровья, а также группой.

УК Кыргызской Республики [103] в рассматриваемой части аналогичен. Незначительная разница имеется лишь в названии статьи – «Воспрепятствование нормальной деятельности учреждений системы исполнения наказаний».

УК Грузии [96] относит преступления против нормальной деятельности исправительных учреждений к преступлениям против правосудия. При этом в специальной литературе данные преступления выделяются в отдельную подгруппу.

В ч. 1 ст. 378 УК Грузии предусмотрено неповиновение законным требованиям сотрудников администрации ИУ, а также «иное препятствование или дезорганизация деятельности», что говорит о широком охвате различных деяний.

В ч. 2 закрепляется ответственность за применение насилия к осужденным с целью изменения их показаний, что приравнивается к

дезорганизации нормальной деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества.

В ч. 3 – применение насилия к сотрудникам администрации ИУ, либо создание преступной группировки с такой целью, либо активное участие в такой группировке.

В отличие от законодательства других стран, УК Грузии предусматривает усиление наказания в случае, если лицо ранее было осуждено за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления.

Проанализировав уголовное законодательства стран СНГ в интересующей нас части, можно подытожить:

- влияние на законодательство большинства стран оказало нахождение в СССР. В связи с этим можно наблюдать аналогию с нормами УК РСФСР 1960 г.;
- прослеживается схожая система ответственности за преступления, направленные на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;
- имеются различия в квалификации дезорганизацией нормальной деятельности исправительных учреждений и их правовой природы.

В одних странах данные преступления относятся к преступлениям против правосудия, в других – против порядка управления.

Далее следует рассмотреть в данной части уголовное законодательство стран континентальной и романо-германской правовых систем.

Так, Р. Давид пишет: «французское право, с одной стороны, и германское – с другой, послужили той моделью, на основании которой внутри романо-германской правовой семьи выделяют две правовые группы: романскую, куда входят также Бельгия, Люксембург, Голландия, Италия, Португалия, Испания, и германскую, включающую также Австрию, Швейцарию и некоторые другие страны» [18].

УК Польши [91] содержит запрет издевательств над лицами, лишенными свободы (ст. 247). При этом в качестве отягчающего

ответственность признака рассматривается особая жестокость. Субъект – сотрудник администрации ИУ.

В УК Германии [86] в разделе 6 «Противодействие государственной власти» содержит § 121 «Мятеж заключенных», где в качестве потерпевших выступают служащие ИУ и лица, осуществляющие надзор за заключенными.

Также УК Германии в отличие от уголовного законодательства стран СНГ выделяет такие отягчающие ответственность признаки, как:

- использование огнестрельного или иного оружия;
- подвергание другого лица смертельной опасности или опасности причинения тяжкого вреда здоровью.

В УК Швейцарии [88] законодатель в ст. 311 разместил два различных преступления – дезорганизацию и побег.

Объективная сторона: деяние – применение насилия или угроза его применения. Субъективная сторона: умысел и цель – принудить сотрудников ИУ или других лиц к действию или бездействию либо совершить побег.

При этом формирование осужденными группировок с целью нападения на сотрудников ИУ оценивается как приготовление к этому преступлению.

По УК Сербии [89] это преступление направлено против судебной власти и размещено в главе «Тюремный бунт», заменив слово «мятеж».

По сербскому законодательству осужденные не могут выступать в роли потерпевших. В статье закреплено, что лишь сотрудники администрации ИУ могут выступать в качестве потерпевших.

Объективная сторона предусматривает объединение заключенных в группы и совершение преступления по предварительному сговору, а также угрозы в применение силы или непосредственное насилие в отношении потерпевших.

Субъективная сторона выражается в специальной цели – дезорганизация нормальной деятельности ИУ, обеспечивающего изоляцию от общества.

В УК Эстонии имеется ст. 75.1 «Действия, дезорганизирующие работу учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» [99]. При этом оно относится к преступлениям против государства.

Объективная сторона выпажена в нападение на сотрудника администрации ИУ; терроризирование лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и т.д. Субъект – лицо, находящееся в соответствующем учреждении.

В УК Латвии имеется ст. 311 «Нападение на администрацию места лишения свободы и осужденных» [94]. Первые две части статьи описывают преступления, совершенные группой лиц и участие в такой группе.

Исходя из проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать следующие выводы.

Законодательство зарубежных стран по разному трактует субъекта и потерпевшего применительно к рассматриваемой категории преступлений. Это не только осужденные и работники администрации, но также чиновники, работники, осуществляющие надзор и так далее [116].

Неоднозначна правовая природа данного преступления. Одни законодатели относят его к посягательствам на правосудие, другие – на порядок управления, третьи – на государство [116].

В целом российскому законодателю можно заимствовать отдельные моменты у зарубежных коллег для решения отдельных вопросов и проблем, связанных с уголовной ответственностью в данной сфере [66].

Глава 3 Актуальные проблемы квалификации и расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

3.1 Проблемы квалификации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо разобраться в его сути, проанализировать саму сущность деяния, с какой целью оно совершалось и какими мотивами руководствовалось лицо, совершившее его.

В ИУ преступления подразделяются на два вида:

- совершаемые осужденными;
- совершаемые представителями администрации ИУ.

Первая категория по большей части является насильственной, а вторая – корыстной.

Действия, дезорганизирующие нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, характеризуются несколькими признаками. Эти признаки позволяют рассматривать преступность данной группы как составную.

Все эти преступления относятся к насильственным.

В основе их выделения положены такие критерии, как: объект посягательства (нормальная деятельность ИУ) и способ совершения (насилие) [41, с. 69-74].

Объектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, является нормальная деятельность ИУ, а дополнительным – здоровье и неприкосновенность сотрудников ИУ [37, с. 767].

Под нормальной деятельностью ИУ понимается установленный порядок исполнения и отбывания наказаний и иных мер, связанных с

изоляция от общества, который обеспечивает права, интересы и безопасность как осужденных и заключенных, так и сотрудников учреждения и их близких, а также надлежащее исполнение сотрудниками их служебных обязанностей [87, с. 20].

В качестве сотрудников учреждения законодатель рассматривает, прежде всего, тех лиц, которые имеют специальные звания УИС. К ним относятся лица рядового и начальствующего состава ОВД, сотрудники учреждений и органов УИС, военнослужащие органов ФСБ и Вооруженных Сил РФ, обеспечивающие режим отбывания наказаний и иных мер [55]. Также к учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, относятся следственные изоляторы и изоляторы временного содержания ФСИН России [60].

В нашем случае речь идет о лицах, осуществляющих медицинское обслуживание, профессионально-техническое обучение и общеобразовательное обучение. Именно эта категория сотрудников ИУ воспринимается осужденными как наиболее уязвимая к насильственным действиям со стороны осужденных [109, с. 8].

Некоторые авторы считают, что любой работник УИС, не имеющий специального звания, по умолчанию не может обладать всеми функциями и способностями, присущими сотруднику ИУ. Исходя из этого, в отношении таких лиц не будут осуществляться какие-либо насильственные действия, а также в относительной безопасности находятся и их близкие. В случае же применения насилия в отношении таких лиц ответственность должна наступать за преступления против личности [78, с. 80].

Это достаточно спорное мнение, поскольку сотрудники, которые не обладают специальными функциями, присущими работникам ИУ, как и вышеуказанные работники, также учувствуют в процессе исправления осужденных, и находятся в равной, а иногда даже в большей опасности, учитывая отсутствие у них специальных знаний и навыков.

Необходимо отметить важный пробел в уголовном законодательстве, разграничивающий в правах такие категории потерпевших, как сотрудники исправительных учреждений и наемные работники. Законодатель не рассматривает, что наемные работники, как и сотрудники администрации, способствуют исправлению осужденных. В настоящее время имеется острая необходимость повышения уровня уголовно-правовой охраны гражданского персонала ИУ [109].

Ст. 321 УК предусматривает три различных состава преступления и выражается в активных действиях.

В ч. 1 установлена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, или угрозу применения насилия в отношении него с целью воспрепятствовать исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа УИС.

Не раскрываются категории осужденных, защищаемых этой нормой. Также законодатель не указывает на вид наказания, к которому осуждено то или иное лицо. Если ответственность установлена за дезорганизацию учреждения, значит речь в статье может идти лишь о тех осужденных, которые были приговорены к лишению свободы.

В ст. 321 УК РФ не установлена ответственность за применение насилия в отношении иных категорий лиц, которые находятся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, например, подозреваемых, обвиняемых, задержанных [9, с. 41]. Они также могут содействовать администрации ИУ, и в отношении этих лиц может существовать угроза применения противоправных действий со стороны других осужденных.

Определение «насилия, не опасного для жизни или здоровья» дано в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «под насилием, не опасным для жизни или здоровья, понимаются побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением

потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»).

Обычно дезорганизация деятельности учреждений совершается именно теми осужденными, которые не намерены вставать на путь исправления, и активно пропагандируют эту позицию. Они дезорганизуют деятельность учреждения, оказывая влияние на тех осужденных, которые встали на путь исправления и сотрудничают с администрацией ИУ.

Далеко не каждый акт насилия должен быть расценен как дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. Если его целью не является попытка помешать воспитательным действиям со стороны администрации ИУ, то он не может быть квалифицирован по ст. 321 УК РФ.

В ч. 2 ответственность за те же действия, но уже совершенные в отношении сотрудника ИУ или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности.

При оценке насилия или угрозы его применения в отношении работника ИУ важно понимать, что последний по умолчанию всегда осуществляет свои служебные полномочия. В большинстве случаев данный факт исключает воздействие на работника администрации учреждения со стороны осужденного по отличающимся от указанных мотивам.

В ч. 3 – те же действия, совершенные орггруппой или с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, т.е. «повлекшего причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, а также насилие, хотя и не причинившего вреда здоровью, но в момент причинения создававшее реальную опасность для жизни или здоровья».

Замечено на практике, осужденные избирательно подходят к методам осуществления насилия в отношении сотрудников ИУ, выбирая наиболее безопасный для себя способ – психологическое давления.

Сотрудникам ИУ постоянно высказываются угрозы в отношении них самих и их родных и близких, указывая на их служебную деятельность. При этом работники ИУ заведомо находятся в уязвимой позиции, ведь законодатель не дает толкования угрозы как таковой в данном случае. Здесь, в частности, позиция законодателя отличается от закрепленной в ст. 119 УК РФ.

Угроза – это «общественно опасное информационное воздействие на осужденного, сотрудника места лишения свободы либо его близких, в результате которого потерпевший оказывается в состоянии выбора: продолжать выполнять требования режима, оказывать содействие администрации учреждения или органа УИС, осуществлять служебную деятельность, осозавая возможность реализации угрозы и причинения вреда, либо подчиниться угрожающему, стать исполнителем его воли, пренебречь своими обязанностями и своей позицией» [21, с. 11].

Субъективная сторона – прямой умысел и специальный мотив. Это выражается в намеренном препятствовании деятельности администрации ИУ в процессе исправления осужденного, либо в мести осужденному, который выражал желание или сотрудничал с администрацией учреждения, либо в давлении на сотрудника ИУ в связи со службой.

Так, Л.И. Романова и Н.А. Крайнова приводят пример: «сотрудники исправительного учреждения прибыли с целью оказать медицинскую помощь в штрафной изолятор, где находились ВИЧ-инфицированные осужденные. Осужденные в камере порезали свои кожные покровы лезвием и залили кровью полы в изоляторе. Один из осужденных К. открыто угрожал сотрудникам администрации заражением ВИЧ инфекцией, а при заходе сотрудников в изолятор, набирал в ладони зараженную кровь и выплескивал ее на сотрудников. К. знал о наличии у него ВИЧ-инфекции и делал все

возможное, чтобы осуществить свои преступные намерения. Суд указал, что при таких обстоятельствах указанные действия осужденного образуют покушение на заражение ВИЧ-инфекцией, совершенное в отношении двух и более лиц, и должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 122 УК РФ» [77].

Есть мнение, что субъект у этого преступления общий. Насилие может применяться и вне ИУ (в пути следования на службу или в колонию-поселение), но с указанной целью. Соответственно, к уголовной ответственности могут привлекаться и те, кто находится вне данных учреждений, но являются сообщниками и пособниками первых [35, с. 813].

Однако в ст. 321 УК говорится именно о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Значит, что осужденные или их подельники посягают на нормальную работу непосредственно учреждения.

Например, из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2002 г. № 29-002-20 следует, что «10 апреля 2002 г. С. был освобожден из мест лишения свободы по отбытии срока наказания, а насилие в отношении потерпевшего им было совершено 8 мая 2002 г. по месту жительства Л., то есть когда С. уже не отбывал наказание в местах лишения свободы и не являлся осужденным. Проведя проверку, судебная коллегия нашла приговор в части осуждения С. по ч. 3 ст. 321 УК по эпизоду применения насилия к Л. от 8 мая 2002 г. подлежащим отмене, а дело в этой части – прекращению за отсутствием в действиях С. состава преступления» [72]. Если же угроза или применение насилия не опасного для жизни и здоровья исходит от иных лиц по поручению субъектов, то имеет место соучастие (ст.ст. 34 и 35 УК). Важно, чтобы при этом организатором выступал именно осужденный, находящийся в ИУ, а в качестве исполнителя выступал субъект, находящийся вне ИУ.

3.2 Проблемы расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

Криминалистическая характеристика содеянного есть система значимых черт, формирующих криминалистическую модель, способствующую предупреждению, раскрытию и расследованию преступления [107, с. 5; 108, с. 35].

На преступления и преступников в пенитенциарной сфере очень влияет окружающая среда.

Криминальный мир не любит внимания и огласки, а потому скрытен. В местах лишения свободы приняты свои нормы поведения и культуры.

В этом вопросе необходимо изучать социальную среду, в которой находятся осужденные. В окружающей среде зачастую основой выступает внешний признак – криминогенная ситуация и конфликтные отношения между несколькими сторонами. Данный признак выступает в качестве катализатора при совершении насилий, а также при совершении корыстных деяний и побегов из ИУ [19, с. 27].

Для точного исследования данного вопроса необходимо выделить два самостоятельных фактора, которые оказывают существенное влияние на расследование преступлений в ИУ, обеспечивающих изоляцию от общества.

Первый фактор – территориальный. К его признакам можно отнести ограниченность территории, высокую плотность заселения и т.д.

Второй фактор – психологический. В качестве его признаков выделяются: личностные качества, характер и т.п. [10, с. 17].

Территория ИУ и прилегающая территория делятся на участки (зоны).

На особом внимании объекты вне территории ИУ, куда попадают осужденные, передвигающиеся без конвоя и содержащиеся в колониях-поселениях [85, с. 57-58]. Именно там чаще совершаются преступления.

Однако поиск следов, орудий и средств совершения преступлений не составляет труда.

Привязка осужденных к определенной территории также играет отдельную роль при выявлении мотива дезорганизации нормальной работы ИУ. Из-за того, что территория относительно небольшая, а осужденных чрезмерно много, это вынуждает их объединяться в группы и различные формирования.

В основном объединяющим фактором выступает общий интерес заключенных, но также здесь могут быть «землячество», статус и т.д. Для сотрудников администрации учреждения это также положительный сигнал, поскольку можно очертить ближайшее окружение определенного осужденного и рассмотреть его деятельность с помощью его близких контактов.

На основе анализа уголовных дел, связанных с совершением действий, главной целью которых являлась дезорганизация деятельности исправительных учреждений, можно выделить общие факторы.

Почти все преступления совершаются в ночное время суток и в жилой зоне. Осужденные специально выбирают для совершения преступления ночное время, а также праздничные и выходные дни, поскольку это осложняет быстрое обнаружение совершенного преступления по горячим следам [9, с. 48].

Негативное поведение осужденных часто провоцируется антиобщественным настроением и влиянием ближайшего круга [48, с. 7].

Однако осужденные различаются между собой и то, что присуще одним осужденным, может быть совсем не присуще другим. В связи с этим, психологические факторы играют немаловажную роль при формировании обстановки, способствующей совершению преступлений по дезорганизации нормальной деятельности учреждений. Та среда, в которой находятся осужденные, оказывает на них немалое воздействие, как в физическом, так и

психологическом плане. В данном случае это самый яркий маркер того, насколько человек готов к совершению преступления [19, с. 17].

Отрицательно влияют на осужденных криминальные и воровские традиции, которые приняты в этой среде.

Если осужденные принадлежат к криминальному миру на свободе, то по умолчанию это определяет их положение при попадании в места лишения свободы.

В связи с этим всех осужденных можно условно разделить на три категории:

- придерживающихся неофициальных норм.
- относящихся нейтрально относится ко всяческим нормам.
- игнорирующих неофициальные нормы [49, с. 37].

Если рассматривать эти категории в рамках нашей работы, то осужденные второй и третьей группы, не представляют интереса, поскольку в силу своих интересов в большинстве своем они ведут «правильный» образ жизни и встают на путь исправления.

А именно в первой группе находится основа криминального мира осужденных. Среди представителей этой категории осужденных не принято исполнять указы администрации учреждения, вставать на путь исправления и перевоспитываться в рамках отбытия наказания. Эти осужденные активно бойкотируют администрацию учреждения, пропагандируют отказ от исполнения различных обязанностей и способны совершить действия, приводящие к дезорганизации нормальной деятельности ИУ.

Среди представителей этой категории можно выделить:

- «воры в законе», «положенцы», «смотрящие»: исполняют роль негласных лидеров.
- «блатные»: входят в ближайшее окружение лидеров.
- «шестерки»: выполняют бытовые функции, исполняют поручения от первых двух групп [49, с. 38].

Вся деятельность первой группы осужденных направлена на удержание главенствующего положения среди других осужденных. Зачастую отмечается, что сами лидеры используют воровскую идеологию в корыстных целях и подстраивают ее под себя. Они могут менять и при желании подменять понятия воровских законов, чтобы добиться должного результата.

С психологической точки зрения, лидеры наименее эмоциональны по сравнению с остальными осужденными. Они не подвергаются гонениям, отказываются выполнять работы, находятся в некой зоне комфорта, вследствие чего могут принимать взвешенные решения. Они являются организаторами большинства преступлений, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности ИУ.

Личность преступника – один из важнейших элементов характеристики осужденного. Необходимо максимально полно использовать все доступные данные для моделирования наиболее четкой картины личности преступника. Учитывается и уровень образования, и возраст первого привлечения к ответственности, и круг общения в ИУ, и информация о взаимоотношениях с другими осужденными [49, с. 18].

Помимо личностных качеств и статуса в криминальном мире, необходимо выделять у преступника наличие или отсутствие тех или иных невротических отклонений и психических аномалий, которые могут не позволить осужденному в полной мере осознавать значение и мотивы своих действий, а также не позволять самому преступнику руководить своим поведением [113, с. 26-27].

Для совершения преступления лицо выбирает способ, исходя из его личностных возможностей. Совершение действий, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, также требует от преступника определенных личностных качеств. К таким качествам принято относить – дерзость, решительность, готовность вступать в открытые конфронтации, выражение неприязни к режиму содержания и т.д. Такие качества присущи

рецидивистам молодого возраста, которые больше всех высказываются о собственной приверженности к воровской культуре и криминальному миру. Данные лица зачастую состоят на профилактическом учете. Они не склонны к труду, легко выводятся на конфликты, высказывают недовольство режимом содержания и так далее. В арсенале данных осужденных нет определенных умений и специальных навыков, они всегда показывают свое негативное отношение к обучению и воспитательным работам, что негативно сказывается на их дальнейшем пребывании в ИУ.

В качестве решающего фактора как мотива к совершению действий, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности ИУ, называют условия отбывания наказания.

Имеют значение способы совершения осужденными дезорганизирующих действий. Установление способа совершения данного преступления необходимо для следующего:

- понимания принятого решения о совершении преступления в целом;
- установление круга лиц, среди которых необходимо искать подозреваемого;
- получение информации о средствах, используемых преступником [42, с. 87].

Можно выделить несколько способов совершения рассматриваемого преступления:

- применение насилия не опасного для жизни и здоровья осужденного или группы осужденных, которые встают на путь исправления и отказываются от неофициальных правил поведения, подвергаясь психологическому или физическому давлению со стороны других осужденных;
- применение тех же мер по отношению к сотрудникам ИУ;
- угрозы применения насилия по отношению к осужденному или в отношении сотрудника ИУ;

- групповое совершение преступления как наиболее опасный способ по отношению к потерпевшим, так как в таком случае осужденные действуют не стихийно, а по предварительному плану.
- подстрекательство отдельных осужденных в отместку за критику, помощь, оказанную администрации;
- применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении осужденных либо сотрудников ИУ.

А.В. Беляков выделяет две группы способов:

- с применением физического насилия;
- с угрозой применения насилия.

Также уместно выделять применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия [9, с. 15-16].

Способы совершения зачастую сопровождаются массовыми изменениями окружающей обстановки, поскольку остаются различного рода следы (пальцев рук, обуви, орудий и пр.) [107, с. 174].

В качестве идеальных следов можно представить следы, которые были зафиксированы потерпевшим и/или свидетелем, отложившиеся в их памяти. Это могут быть внешние данные преступника, пиметы и так далее.

Материальные следы включают в себя отпечатки пальцев преступника, следы обуви, орудие преступления и так далее.

Все материальные следы помогут составить внешний образ подозреваемого. Следы обуви могут дать характеристику весу и росту человека, орудие преступления – информацию о телосложении человека и его физических способностях. Биологические следы, оставленные на месте преступления, также являются информативными: резус-фактор крови, особенности организма, наличие определенных веществ в крови, заболевания и т.д.

Не менее важно исследовать окружающую среду на наличие следов борьбы, которые могут дать информацию о картине преступления в целом.

В отличие от следственных действий, проводимых в рамках обычного уголовного дела, нахождение подозреваемого в условиях нахождения в ИУ намного проще. Здесь всегда имеется определенный круг лиц, который следует исследовать на соответствие найденным уликам [112, с. 78-79].

Территория строго ограничена, а это значит, что круг лиц предопределен заранее. Необходимо лишь выделить этот круг лиц, провести следственные мероприятия и подозреваемый будет найден.

Требуется серьезное совершенствование механизмов организации расследования данных преступлений и усиление в таких расследованиях роли сотрудников ИУ, хорошо знакомых с ухищрениями, применяемыми осужденными при попытках скрыть следы преступления и уйти от ответственности, а также помешать исправлению других лиц.

Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо разобраться в его сути, проанализировать саму сущность деяния, с какой целью оно совершалось и какими мотивами руководствовалось лицо, совершившее его.

Заключение

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности. Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них.

В последнее время в уголовном законодательстве в сфере ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений не было значительных изменений. Законодательство «застоялось», и образовались проблемы, выражающиеся в постоянных коллизиях с другими составами преступлений, а также с квалификацией данных преступлений.

В частности, имеет место большое количество проблем, связанных с несовершенством ст. 321 УК РФ, которая не может всецело охватить всевозможные сценарии совершения этого преступления. Хотя ученые высказывают предложения по модернизации законодательства и постоянно акцентируют внимание на недостатках положений ст. 321 УК РФ.

Проблемы недостатков положений ст. 321 УК РФ поднимается еще со времен первого закрепления подобного состава преступления в советском уголовном законе.

Изучив эволюцию уголовного законодательства в части ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, мы пришли к следующим выводам:

- в советском уголовном законе специальной нормы, охраняющей нормальную деятельность ИТУ, изначально не было. Борьба с такими проявлениями обеспечивалась нормами исправительно-трудового закона и ведомственными правовыми актами.

- в дальнейшем (1983-1984 гг.) в уголовном законе появились специальные нормы об ответственности за действия, дезорганизующие работу ИТУ (ст. 77.1 УК), и за злостное неповиновение требованиям администрации ИТУ (ст. 188.3 УК).
- потерпевшими по ч. 1 ст. 77.1 УК признавались только осужденные, вставшие на путь исправления, либо представители администрации ИТУ.
- в ходе разработки нового УК имели место несколько подходов. Одни не предусматривали специальной нормы об ответственности за дезорганизацию деятельности ИУ и ограничивались статьей «Насилие или угроза применения насилия в отношении публичного должностного лица». Другие включали специальную статью «Воспрепятствование нормальной деятельности исправительных учреждений».
- в итоге принятый УК РФ 1996 г. предусмотрел специальную статью 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Из анализа состава ст. 321 УК РФ мы пришли к следующим выводам и предложениям:

- основным объектом преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, выступают общественные отношения по поводу нормальной деятельности и функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;
- специальными потерпевшими являются осужденные, сотрудники учреждения либо их близкие;
- в диспозиции ст. 321 УК РФ отсутствует прямое указание на специального субъекта ответственности, однако их смысла статьи вытекает, что это задержанные, заключенные под стражу и осужденные к лишению свободы, отбывающие наказания в ИУ. В

случае совершения деяния иными лицами ответственность должна наступать по правилам соучастия;

- убийство сотрудника места лишения свободы не охватывается ч. 2 или 3 ст. 321 УК РФ. Убийство, совершенное в процессе дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, следует квалифицировать п. «б» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 321 УК РФ.
- целесообразно предусмотреть в качестве квалифицирующего признака причинение смерти по неосторожности осужденному, подозреваемому либо обвиняемому.
- необходима отдельная норма об ответственности за применение насилия или угрозу применения насилия в отношении сотрудника УИС и норме об ответственности за покушение на жизнь сотрудника УИС.

Главной целью деятельности любого ИУ является поддержание установленного порядка отбывания осужденными наказания. Эта схема не будет работать, если деятельность ИУ не будет упорядочена.

Исполнением уголовных наказаний занимается исключительно государство в лице УИС, включающей специальные государственные органы и учреждения.

Однако УК РФ не предусматривает ответственность за неповиновение работникам исправительного учреждения. Это деяние квалифицируется как дисциплинарный проступок.

Необходимость изучения и сравнения отечественного законодательства с зарубежным, подчеркивает важность ряда обстоятельств, в том числе и критическую важность для самого сравнительно-правового метода в юридической науке.

Следует понимать, что любое сравнительно-правовое исследование помогает взглянуть на ряд проблем юридической науки. Изучение и

тщательный анализ зарубежного опыта помогает разработать и предложить конкретные методы по совершенствованию российского законодательства.

В рамках данного исследования использование сравнительно-правового метода позволяет нам не только провести параллель схожести и различий уголовных законов нескольких государств, но и сформулировать общие положения и выстроить конструкции, которые помогают выявить необходимые закономерности развития уголовного права.

Исходя из проведенного сравнительно-правового анализа мы пришли к следующим выводам:

- законодатель зарубежных стран по разному трактует субъекта и потерпевшего применительно к рассматриваемой категории преступлений. Это не только осужденные и работники администрации, но также чиновники УИС и работники, осуществляющие надзор и так далее;
- неоднозначна правовая природа и объект данного преступления. Законодатель одних стран относит его к посягательствам на правосудие (Украина, Белоруссия, Молдова, Грузия), других – на порядок управления (Таджикистан, Сербия), третьих – на государство (Эстония).

Наше государство накопило богатый и разнообразный опыт уголовно-правового обеспечения государственной безопасности. Разумеется, на каждом историческом отрезке подход к криминализации соответствующих деяний отражал текущие представления как о приоритетных объектах этой безопасности, так и о главных угрозах для них.

В целом российскому законодателю можно заимствовать отдельные моменты у зарубежных коллег для решения отдельных вопросов и проблем, связанных с уголовной ответственностью в данной сфере.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 361 с.
2. Амелин Л.П., Пинчук В.К., Романов А.П. Борьба с действиями, дезорганизирующими работу ИТУ. М., 1963. 508 с.
3. Антонян Ю.М. Криминология: Избранные лекции. М., 2004. 448 с.
4. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда № 22-1221/2017 от 10.03.2017 г. по делу № 22-1221/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).
5. Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-1321/2016 от 10.03.2016 г. по делу № 22-1321/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).
6. Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики № 22-537/2016 от 24.03.2016 г. по делу № 22-537/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Баглай Ю.В. Теоретические проблемы конкуренции состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, и смежных составов преступлений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 4. С. 218-219.
8. Багун Э.А. Ответственность за побои и истязание по Уголовному кодексу Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.
9. Беляков А.В. Теоретические и прикладные аспекты расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: монография. М. : Юрлитинформ, 2011. 160 с.
10. Валеев А.Т., Лютынский А.М. Методика расследования преступлений против личности в условиях исправительного учреждения: Учеб. пособ. Вологда, 2006. 103 с.

11. Вальяно Д.Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 249 с.
12. Владимиров В.А. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1968. 396 с.
13. Власов Ю. Проблемы конструкции и содержания статьи 321 УК РФ // Уголовное право. 2006. № 2. С. 13-17.
14. Ворошилин Е.В., Здравомыслов Б.В., Кладков А.В. Новое советское уголовное законодательство. Особенная часть. М., 1986. 441 с.
15. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика.- 4-е изд. М. : ЮрИнфоР, 2010. 559 с.
16. Горшкова Н.А. Нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. М. : Проспект, 2014. 152 с.
17. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 312 с.
18. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. 389 с.
19. Димитров АВ., Сафронов В.П. Основы пенитенциарной психологии. М., 2003. 176 с.
20. Друзин А.И. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых лицами, отбывающими наказание (криминологические, организационные и уголовно-правовые аспекты). Ульяновск, 2003. 128 с.
21. Друзин А.И. Угроза как признак преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ // Уголовное право. 2003. № 1. С. 15-19.
22. Дьяков С.В., Игнатъев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. 224 с.
23. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М. : Проспект, 2007. 576 с.
24. Ефимов М.А. Советское уголовное право. Особенная часть: Учебник. М., 1969. 511 с.

25. Журавлев М., Владимиров В. Это противоречит закону // Сов. законность. 1959. № 8. С. 50.
26. Загородников Н.И. Советское уголовное право. Особенная часть: учебник. М., 1979. 378 с.
27. Иванов Н. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Критический взгляд // Уголовное право. 2000. № 2. С. 3-10.
28. Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М., 1927. 196 с.
29. Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А. Отвечают ли диспозиции статей 317-319 УК РФ целям и задачам правоохранительной деятельности? // Современное право. 2017. № 1. С. 81-84.
30. Калинин В.Н. Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права. М., 1957. 228 с.
31. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 187 с.
32. Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. 224 с.
33. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1983. 480 с.
34. Козельцев Е.А. Преступления против деятельности работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. 255 с.
35. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. – изд. 12-е. М. : Юрайт, 2016. 1170 с.
36. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. 792 с.
37. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2011. 967 с.

38. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М. : Проспект, 2012. 878 с.
39. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.С. Михлина. М., 2018. 780 с.
40. Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 181 с.
41. Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 342 с.
42. Криминалистика. Методика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания: Учебник: В 2 т. / под ред. В.В. Кулькова. Рязань, 1996. Т. 2. Ч. 2. 196 с.
43. Кузнецова Н.Ф., Миньковский Г.М. Криминология. М., 1994. 415 с.
44. Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936-1960 гг.). М., 1990. 130 с.
45. Кузьмин С.И. ИТУ в СССР (1917–1953). М., 1991. 130 с.
46. Кузьмин С.И. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // Молодая гвардия. 1993. № 5. С. 65.
47. Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М. : Юрид. лит., 1970. 516 с.
48. Лютынский А.М. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в учреждениях, исполняющих наказания // Предварительное расследование в современных условиях и вопросы расследования уголовных дел в подразделениях Минюста России: Сб. матер. Межвуз. науч.-практ. сем. Вологда, 2004. С. 182-203.
49. Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 198 с.
50. Матышевский П.С. Советское уголовное право. Часть Особенная. Харьков : Вища школа, 1962. Вып. 1. 464 с.

51. Меликян А.М. Дисциплинарные проступки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях, и их профилактика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 182 с.

52. Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Т. 4: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. М., 1970. 432 с.

53. Модельный уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 1997. № 10.

54. Мошков Т.А. Насилие в местах лишения свободы: криминологическая характеристика и квалификация: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2011. 120 с.

55. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 26.10.2020).

56. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/1305321/> (дата обращения 26.10.2020).

57. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС РСФСР от 30.01.1984 г. URL: <https://base.garant.ru/1308405/> (дата обращения 26.10.2020).

58. О лагерях принудительных работ: Декрет ВЦИК РСФСР от 19.04.1919 г. // Сборник узаконений РСФСР. 1919. № 20. Ст. 235.

59. О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового // Сборник узаконений РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

60. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: Федеральный закон от

15.07.1995 г. № 103-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/1305540/> (дата обращения 26.10.2020).

61. О судебной практике по делам об убийстве ст. 105 УК РФ [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/7794/> (дата обращения 26.10.2020).

62. О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений: [Электронный ресурс] Постановление Пленума ВС СССР от 03.12.1962 г. № 16. URL: <https://base.garant.ru/1305289/> (дата обращения 26.10.2020).

63. О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 г. № 4. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205313/> (дата обращения 26.10.2020).

64. О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21.06.1985 г. № 10. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10004839/ (дата обращения 25.10.2020).

65. Овсепян Л.Г., Чучаев А.И. Уголовно-правовая компаративистика: функции и методика исследования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2009 г. М., 2009. С. 118-121.

66. Осакве К. Размышление о природе сравнительного правоведения: некоторые теоретические вопросы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 2. С. 54-71.

67. Ответственность за государственные преступления / Богатиков Д.Т. [и др.]. М. : Госюриздат, 1965. 292 с.

68. Перевозчиков А.К. Актуальные проблемы уголовно-правового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 43-48.

69. Пинчук В.К. Преступления, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений // Сов. юстиция. 1962. № 21. С. 106.

70. Положение об общих местах заключения РСФСР [Электронный ресурс]: Постановление НКЮ РСФСР от 15.11.1920 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazaniy/17/postanovlenie-narkomyusta-rsfsr-ot-15-11-1920.html> (дата обращения 26.10.2020).

71. Постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 29-002-20 от 11.12.2002 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).

72. Постановление Тульского областного суда № 44У-100/2016 от 04.10.2016 г. по делу № 44У-100/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).

73. Попов В.И. Рецидив и организованная преступность: монография. М., 1998. 189 с.

74. Предупреждение организованной преступности в исправительных учреждениях: учеб. пособ. / Филимонов О.В. [и др.]. М., 1998.

75. Решение Смоленского областного суда № 22-2461/2015 от 20.10.2015 г. по делу № 22-2461/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).

76. Решение Тверского областного суда № 44-У-42/2017 от 27.03.2017 г. по делу № 44-У-42/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2020).

77. Романова Л.И., Крайнова Н.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с умышленным заражением ВИЧ-инфекцией в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 18-20.

78. Рузевич О.Р. Угроза применения насилия в отношении осужденного и сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей:

проблемы теории и практики // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 74-79.

79. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2006. 448 с.

80. Сборник действующих постановлений пленумов Верховного Суда СССР. 1929–1957 гг. М., 1958.

81. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953.

82. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. М., 1959.

83. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 гг. М., 1964.

84. Скутин С.Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 204 с.

85. Тайгозин Ю.А. Структурные составляющие содержания режима как порядка исполнения и как порядка отбывания лишения свободы // Роль образовательных учреждений ФСИН России в обеспечении эффективного функционирования УИС: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2009.

86. Уголовное уложение (уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и науч.-практ. коммент. М. : Эксмо, 2010.

87. Уголовно-исполнительное право: учебник / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Т. 2 : Особенная часть. М., Рязань, 2006.

88. Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-shveycarii_1a1ab322d3f.html (дата обращения 25.10.2020).

89. Уголовный кодекс Республики Сербия от 01.01.1970 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000016682> (дата обращения 26.10.2020).

90. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 года [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения 26.10.2020).

91. Уголовный кодекс Республики Польша от 06.06.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/news/уголовный-кодекс-польши.html> (дата обращения 26.10.2020).

92. Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12.06.1997 г. [Электрон.ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id =31295286 (дата обращения 26.10.2020).

93. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 г. [Электронныйресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения 26.10.2020).

94. Уголовный кодекс Латвийской Республики 17.06.1998 г. [Электронныйресурс]. URL:<http://www.alexlawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf> (дата обращения 26.10.2020).

95. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. [Электронный ресурс]. URL:<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения 26.10.2020).

96. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-грузии.html> (дата обращения 26.10.2020).

97. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 26.05.2000 г. № 886-IQ [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8305/file/Azerbaijan_Criminal_Code_am_2018_ru.pdf (дата обращения 26.10.2020).

98. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения 26.10.2020).

99. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 01.09.2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-эстонии.html> (дата обращения 24.10.2020).

100. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения 26.10.2020).

101. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г. № ЗР-528 [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения 26.10.2020).

102. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252 (дата обращения 26.10.2020).

103. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 15.05.2019 г. № 62 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения 26.10.2020).

104. Уголовный кодекс РФ: проект // РГ. 1995. 25 янв.

105. Фролов Е.А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Ученые труды Свердловского юридического института. 1968. Вып. 8. С. 101-112.

106. Хан-Магомедов Д.О. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1962. 340 с.

107. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учеб. пособ. М., 2014. 639 с.

108. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебник. М., 2019. 650 с.

109. Щербаков А.В., Шатов С.А. Проблемы уголовно-правовой охраны безопасности гражданского персонала учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 5. С. 8-11.

110. Щербаков А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

111. Яковлева С.А. Уголовно-правовая оценка насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей. Ульяновск, 2003. 211 с.

112. Якунин С.В. Криминалистическая характеристика преступлений, совершающихся в местах лишения свободы // Особенности расследования преступлений и производства отдельных следственных действий в органах и учреждениях ФСИН России: Сб. матер. Межвуз. науч.-практ. сем. (Вологда, 26 октября 2005 г.). Вологда, 2006.

113. Enggist S., Møller L., Galea G., Udesen C. Mental health promotion in prisons: report on a WHO meeting. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2014. 226 p.

114. The Growth of Crime: the International Experience / L. Radzinowicz, J. King. – London : Hamish Hamilton, 1977.

115. Волженкин Б.В. Новы Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь // Правазнаўства. 2000. № 6 (233). С. 140-152.

116. Prisons around the world: studies in International Penology / M.K. Carlie, aut. K. I. Minor. – Dubuque: Wm. C. Brown Publishers, 1992.

117. Kaczmarek T. Opinia publiczna o podstawach karno-politycznych nowego polskiego Kodeksu karnego z 1997 r. i praktyce jego stosowania // Prawo i Polityka. 2001. № 4. S. 63-66.